

Александрова О.В. | ПУТЬ К СЕБЕ

12+

Ольга Александрина

Путь к себе

«Издательские решения»

Александрина О.

Путь к себе / О. Александрина — «Издательские решения»,

Оказавшись в пугающих глубинах собственного подсознания, Айла сталкивается с вековым холодом. Дерево её рода замерзло, скованное проклятием нарциссической травмы. Чтобы выжить и не раствориться в темноте, ей придется выковать броню из собственных страхов и боли, лишиться власти жестокого Ледяного Принца — своего внутреннего критика — и согреть маленькую девочку, которой она была. Это пронзительная, исцеляющая притча о поиске себя.

Содержание

Глава 1. Шаг в неизвестность	6
Глава 2. Мир застывших крыльев	7
Глава 3. Поляна хрупкого стекла	9
Глава 4. Ледяное наследие	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Путь к себе

Ольга Александрина

*Путь к себе — это попытка услышать собственный голос среди
чужого эха, когда ты заблудился в тёмном лесу.*

© Ольга Александрина, 2026

ISBN 978-5-0070-8654-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Шаг в неизвестность

Тьма. Ни образов, ни отголосков дня — лишь непроглядный мрак, безраздельно властвующий над всем. Тяжесть давила на веки, словно густой туман. Я вцепилась в пустоту, пальцы скользили по чему-то неуловимому, тщетно хватаясь за воздух. Паника сдавила горло, дыхание сбилось.

Под ногами не было опоры — лишь упругий воздух, шатающийся ступни, будто я шла по неровной поверхности туч, теряющих плотность с каждым шагом. Любое движение требовало усилий — пространство не хотело меня отпускать. «Дыши. Просто дыши», — прозвучал внутренний голос, несущий в себе удивительное спокойствие.

«Сколько это длится?» — время остановилось, утратив свой пульс. *«Не могу же я бродить в этой тьме вечно?»*

Внезапно впереди проступила дверь. Она выросла из черноты, словно её нарисовали одним взмахом кисти. Я обошла преграду по кругу, пытаюсь понять, что её держит. Ни стен, ни опоры — просто дверь в пустоте. «Выход или ловушка?» — мысли метались в поисках ответа. Шаг замедлился. В глубине души шевельнулось предчувствие: за этим темным деревом — начало конца...»

Глава 2. Мир застывших крыльев

Ослепительный свет обрушился внезапно, заставив зажмуриться. Словно солнечный удар пришёлся прямо в глаза.

«Странно, — мелькнула мысль. — Моя комната далеко не на солнечной стороне. И ветер... Откуда здесь ветер? Я точно закрывала окно».

Смятение сковало тело, но воздух вокруг нёс удивительный покой. Он ласкал кожу не как сквозняк, а как осторожное, бережное прикосновение. Ветер перебирал волосы, и в его дыхании чувствовалась древняя сила — время будто замедлило ход. Я глубоко вдохнула, позволяя этому ощущению проникнуть внутрь. Тревога таяла, уступая место безотчётному знанию: сама вселенная шепчет, что всё в порядке.

Глаза распахнулись — это была не моя комната. И вообще не комната: я стояла посреди огромного зелёного луга. Свет здесь преломлялся причудливо, соткавшись из мириад золотистых искр в невесомую сеть. Казалось, кто-то рассыпал сверху целый мешок блёсток, и они витали в воздухе, мягко мерцая. А вдаль, на линии горизонта, клубился расплывчатый туман, стирающий границы между мирами.

Деревья на первый взгляд казались самыми обычными — скромные силуэты на фоне неба. Но стоило взглянуть пристальнее, и открывалось чудо: вместо листьев на ветвях покоилась россыпь изумрудных бабочек. Не живых и не мёртвых — застывших в вечном мгновении. Когда налетал ветер, они взмывали в воздух с тихим шелестом, будто кто-то провёл рукой по шёлковой ткани. А затем, повинаясь неведомой силе, вновь опускались на ветви, словно никогда и не покидали своих мест.

И сейчас я сама была как одна из этих бабочек: зависшая между реальностями, ожидающая ветра, который либо вернёт меня домой, либо окончательно сбросит с ветви.

Небо напоминало гигантскую палитру. Голубые оттенки, словно капли акварели в воде, растекались, смешивались и застывали в причудливых узорах новых тонов.

Мой взгляд медленно опустился ниже, задержавшись на одежде. «Откуда это?» — пронеслось в голове. Длинное платье молочного цвета из тонкого шифона, лёгкое, почти невесомое, свободно ниспадало до щиколоток. Пышные рукава-буфы, собранные в мелкие складки, добавляли объёма, но мягко спадали с плеч. Они обнажали их линию так, будто это была единственная незащищённая кожа — без всякой брони.

Корсетная шнуровка сзади создавала изящный силуэт, стягивая талию и оставляя спину открытой. Оборот — и юбка, состоящая из нескольких слоёв полупрозрачной ткани, взметнулась веером, кружась в невидимом вальсе. Воздух повторил это движение, создав вокруг меня мерцающее облако из частиц света.

Трава под ногами казалась неожиданно плотной — не живой, а сотворённой из тщательно сложенной бумаги. Я наклонилась, чтобы рассмотреть её: идеальные стиги, ровные края, миниатюрные складки, имитирующие прожилки. Но вела она себя как настоящая — податливо сгибалась под нажимом и покачивалась на ветру.

В эту секунду мне показалось, что я вернулась в детство, где жизнь — это сказка, а я в ней — принцесса.

Но улыбка мгновенно погасла. В груди что-то сжалось, а в сознании сама собой всплыла фраза, которую я слишком долго прятала от себя: «Принцессы ждут, но принцы не спешат». Она пришла не как мысль, а как знакомая боль, которая садится рядом без стука, будто имеет на это полное право. Взор поник, устремившись к ногам — всё те же белые кеды. Знакомые, со стёртой подошвой, помнящей асфальт не детских площадок, а больших городов. Потёртости больше не выглядели износом: они были картой моих маршрутов, моих решений и дней.

Детство осталось позади. Но именно сейчас, в этом платье, пришло осознание: оно не ушло до конца. Просто спряталось где-то внутри.

Воспоминания накрывали волной: наивная вера в чудеса и ощущение, что всё возможно. Перед глазами вставала песочница, где замки оставались незаконченными не из-за лени, а потому что каждый день хотелось строить заново — будто сама надежда требовала постоянного обновления. Качели, уносившие в небо: на них я училась верить в полёт, даже зная, что рано или поздно придётся опуститься на землю. А коробка с игрушками... Целый мир в миниатюре — с королевствами, битвами, спасениями и слезами, которые тогда казались катастрофой. Теперь я видела в этом не просто игру, а первые попытки понять, как устроена жизнь, как в крошечных сюжетах мы учимся проживать настоящие чувства.

Но истинным сокровищем всегда оставалось воображение. Оно сплетало вокруг меня целые вселенные, живые и неповторимые, наполненные светом, где не было ни сквозняков, ни холодных стен, ни одиночества. В этих мирах я могла быть кем угодно. Там, в мягкой тишине, я наконец чувствовала себя в безопасности.

Глава 3. Поляна хрупкого стекла

Я почти растворилась в этих мыслях, когда осознание, будто резкий толчок в спину, вернуло меня в реальность: «Дверь! Где она?»

Обернулась — пусто. Проход исчез, словно его стёрли ластиком с холста реальности.

— Так, спокойно, — прошептала я, пытаюсь унять дрожь. — Это был портал. Но куда?

Ладони стали влажными от холодного пота. Пальцы сжались в кулаки в попытке удержать ускользающую явь. Остались лишь тишина и зияющая пустота там, где мгновение назад виднелась дубовая створка. Я почти поддалась отчаянию, как вдруг резкое, ледяное дыхание мороза обожгло кожу, сметая все прежние чувства.

Я повернула голову и потеряла дар речи. В нескольких шагах раскинулась бесконечная поляна подснежников — словно ковёр из хрупкого стекла. Нежные бутоны покачивались на ветру, будто кивая в приветствии. «И как я сразу их не заметила?»

Я подошла ближе и наклонилась. Пальцы непроизвольно потянулись к одному из цветков. Желание согреть его заснеженные лепестки, как собственные озябшие руки, было почти непреодолимым. Но когда ладонь уже почти коснулась бутона, взгляд зацепился за странное: лепестки напоминали тонкий лёд. Инея на них не было, но холод ощущался даже на расстоянии.

— Слишком чувствительная, — внезапно нарушил безмятежность чей-то насмешливый голос. Пальцы замерли в сантиметре от стебля, а по телу пробежала волна мурашек. — Цветы есть цветы. Не ищи в них душу.

Внутри всё сжалось, сопротивляясь этим словам. Я по-прежнему чувствовала теплоту, которую хотела подарить цветку, но теперь это желание казалось наивным.

Где-то вдаль, у самого края поля зрения, проступил безликий силуэт. Он стоял, притаившись за стволом дерева, и внимательно наблюдал за мной. Пока я пыталась разглядеть неизвестного в тени, мягкий голос, похожий на лёгкую вибрацию воздуха, коснулся слуха — совсем рядом, за спиной:

— В каждом цветке — мудрость: истинное совершенство не в броне, а в смелости раскрыться, даже когда это обнажает твою хрупкость.

Его слова не спорили с прежней насмешкой — они её отменяли, словно заклинание, стирающее тёмный след. В этой интонации не было издёвки, лишь тихая сила, разгоняющая тьму.

Я плавно повернулась. Передо мной стояла фигура в чёрном плаще, почти касающемся земли. В ней не было ничего пугающего, скорее наоборот — необъяснимая, до боли знакомая притягательность. Лицо оставалось загадкой, скрытое в глубокой тени капюшона. Моё восприятие было сбито с толку: в облике не читалось ни мужских, ни женских черт — только странная, завораживающая неопределённость.

— Что... что это за место? — запнулась я, пытаюсь собраться с мыслями. — И кто вы?

Мой взгляд метнулся к дереву, но там уже никого не было. Лишь подснежники, обледевшие сильнее прежнего, выдавали чужое присутствие.

— Это мир на грани. А я — твой проводник, — прозвучал голос, приглушённый глубиной капюшона. Он доносился будто издалека, сквозь толщу времени.

— Мир на грани чего? — слова удивления сами слетели с губ.

Не в силах пошевелиться, я смотрела на незнакомца. Стало тихо — настолько, что каждый шорох травы отдавался в ушах оглушительным звуком. Мысли метались: «Что за место? Кто этот проводник? Почему я оказалась здесь?»

— Я что... умерла? — прорвался тихий вопрос против собственной воли.

— Нет, ты не умерла, — успокоил он. — Но если хочешь вернуться домой, ты должна пройти определённый путь. Он не будет простым, но я обещаю быть рядом.

Его ответ был удивительно безмятежным, почти убаюкивающим. Я вслушивалась в интонацию, пытаясь уловить хоть намёк на фальшь, но слышала лишь ровную уверенность. «Можно ли ему верить?» — шевельнулась осторожная мысль. Но другая, более сильная, шептала: «Он покажет выход».

Мой взгляд вновь обратился к пейзажу, будто пытаясь поймать его на лжи. Всё выглядело слишком чарующим, чтобы быть настоящим — как воплощение детской мечты или плод воображения. Но мир настойчиво напоминал о себе: ветер касался кожи, запах подснежников будил забытые воспоминания, влажная трава подтверждала твёрдость земли, ткань платья говорила о теле. Даже тонкий аромат пало-санта и лаванды, исходящий от проводника, вписывался в эту мозаику реальности.

Внезапно перед моим лицом что-то пронеслось и опустилось на один из бутонов — лёгкое, почти невесомое. Я пристально вгляделась: стрекоза, но не обычная. Это была бумажная скульптура, искусно сложенная, но... живая. Крылья чуть подрагивали, в каждом их движении чувствовалась подлинная энергия.

— Это не просто оригами, — отозвался проводник, поймав мой взгляд. — В нём твои мысли, а может, и воспоминания. Возьми, прочти.

Я осторожно потянулась к стрекозе и взяла её в ладони. Тёплая на ощупь бумага слегка шевелилась — совсем как живое существо. С замиранием сердца я аккуратно потянула за край крыла и развернула лист.

Внутри было лишь одно слово, написанное аккуратным, ровным почерком: «свобода». Я провела пальцем по буквам, проверяя их реальность. Текстура не изменилась — линии остались чёткими. Слово было на месте, плотное и неизменное.

— Что это означает? — спросила я, как вдруг лист в моей руке сам собой ожил. Он вновь сложился в форму стрекозы и, трепеща тонкими крыльями, вырвался из пальцев, скрывшись за листвой.

— Это то, чего ты хочешь больше всего, Айла, — тихо произнёс проводник.

Не дожидаясь, пока я соберу разлетевшиеся мысли, он начал отдаляться, скользя в тень между деревьев. Он двигался, не касаясь земли, но я явственно чувствовала: после него остаётся след. Не физический отпечаток, а незримое, мощное присутствие, витающее в воздухе.

— Постой, о какой свободе идет речь? — Я подскочила, следуя за его силуэтом и ускоряя шаг. Ноги то и дело путались в подоле. Желание не отставать от путника боролось со стремлением разглядеть каждую мелочь вокруг — мир манил своей загадочностью.

— Свобода в том, чтобы быть собой, — прозвучало из зарослей.

Я замедлила ход. Эти слова, словно ключи, повернулись внутри, заставив сердце биться иначе.

— И как быть собой? — произнесла я едва слышно, почти про себя.

Пытаясь не отставать от проводника, я вновь прибавила шагу. Молочный шифон скользил следом, изящно огибая ветви, будто платье превращалось в часть этого леса.

Проходя мимо высоких кустарников, я замерла: в этой странной реальности и они оказались живыми. Вместо зелени — гусеницы оливкового оттенка. Они неторопливо переступали лапками, изгибаясь плавными волнами, а их тела едва заметно подрагивали.

— Скоро они окуклятся, — прошептал проводник, возникнув из ниоткуда за моей спиной, словно соткавшись из тени. — А после, обретя крылья, устремятся к голым ветвям деревьев, чтобы стать их новой, трепетной листвой.

— И что потом? — вырвалось у меня. Я была не в силах сдержать любопытство.

— На этом месте вновь зародится жизнь гусениц, — ответил он тихим, завораживающим голосом. — Здесь всё течёт по кругу, в вечном танце обновления.

В его словах звучала спокойная, глубокая уверенность. Он подошёл к куколкам и поднёс ладонь к одной из них, не касаясь. Тёмный плащ мягко шелестел на ветру, вторя неспешному ритму преобразования.

— Смерть — это смена мерности, — продолжил он, не отводя взгляда от кокона. — Став бабочкой, гусеница забывает, кем была прежде. Бабочка не помнит гусеницы. И в этом — не потеря, а свобода от прежнего.

Проводник опустил руку и наконец повернулся ко мне.

— Смотри, — тихо сказал он, кивнув на куколку. — Бабочка не стремится быть «лучше» гусеницы. Она не корит себя за то, какой была, и не мечтает стать чем-то иным. Её свобода — в том, чтобы просто быть собой, в согласии со своей природой. Она не изменяет себе, потому что её суть — в превращении, а не в улучшении.

Я нахмурилась, пытаюсь уловить связь.

— А человек... — начала я.

— Человек всё время хочет перерастить себя, — перебил он мягко, без упрёка. — Он сравнивает, оценивает, гонится за тем, что «выше». И в этой гонке возводит стены в собственной душе: «я недостаточно хорош», «мне нужно стать другим». Свобода, о которой ты спрашивала, не в том, чтобы вырваться из внешних оков. Она в том, чтобы разрушить эти внутренние преграды. Чтобы, как бабочка, позволить себе быть ровно таким, каков ты есть в этот миг.

Я подняла голову туда, где в кронах застыли бабочки. Их крылья мерцали в рассеянном свете, напоминая тонкое кружево. Они не искали величия, не тянулись к недостижимому — просто существовали в своей совершенной простоте. И в этой тишине жила их истинная сила.

— Значит, нужно перестать воевать с собой и позволить себе просто быть? — прошептала я скорее для себя, чем для спутника.

— Не позволяй слову «нужно» снова опутать тебя, — мягко проговорил он. — Представь, что все твои «должна» и «надо» — это тонкие нити, из которых ты сама сплела паутину. Она кажется изящной, но держит крепко.

Я невольно коснулась груди, будто пытаюсь ослабить невидимую стяжку.

— Чтобы обрести себя, не нужно ничего срывать, — продолжил он. — Достаточно перестать добавлять новые нити. Пусть эта паутина останется как память о том, откуда ты пришла, — но пусть она больше не диктует, куда идти.

Ветер тихо качнул кроны, и бабочки в них снова замерли, словно подтверждая его слова.

Я закрыла глаза, и лишние мысли растаяли в звуках леса. Они текли, как река: то почти умолкали, то снова пели. Ветер шептал и обнимал, укутывая в невидимое одеяло. Запахи травы, лаванды и пало-санто смешивались с моим собственным — и вдруг перестали быть отдельными. В это мгновение не существовало ни прошлого, ни будущего, ни «должна», ни «надо». Только «есть». В простом присутствии родилось чувство единения: я всегда принадлежала этому месту, а оно — мне.

— Так странно... Раньше я жила с ощущением, что любовь нужно заслужить. Что должна стать лучше, чтобы меня выбрали, приняли, полюбили. — Слова прозвучали тихо, но в них не было прежней боли — только лёгкая усталость от старой привычки.

Плечи опустились, и с этим простым движением ушло напряжение, которое я столько лет считала своим естественным состоянием.

— Любовь — это не трофей, — спокойно повторил проводник. — То, что люди принимают за неё, часто оказывается лишь потребительством: обменом «ты мне — я тебе».

Он снова шёл вдоль опушки, уверенно и неторопливо, будто знал здесь каждую травинку. И эта уверенность странным образом передавалась мне: если он знает дорогу, значит, можно не бояться сбиться с пути. Я сделала шаг вслед за ним — на этот раз не спеша, впервые разрешив себе замечать мир вокруг: как дрожит на травинках роса, как ложится свет сквозь листву, как воздух здесь кажется гуще и тише, чем где-либо ещё.

— Что тогда такое любовь и где мне её искать? — спросила я. Собственный голос прозвучал непривычно спокойно.

Проводник чуть замедлил ход, давая мне идти рядом, а не догонять.

— Любовь не приходит извне, — ответил он мягко. — Её бессмысленно искать в людях или местах. Она рождается внутри, как тихий огонь, который мы сами должны разжечь и беречь. Не ради кого-то — а чтобы просто знать: он есть.

— Внутри... — эхом отозвалась я. — Но большинство людей боятся заглянуть вглубь себя. Им проще шлифовать форму, чем касаться содержания.

Проводник кивнул — медленно, почти неощутимо. Капюшон качнулся, укутывая его лицо в полумрак, и от этого слова прозвучали не как поучение, а как тайна, доверенная шёпотом:

— Да. Они думают, что внутри ничего нет. И потому стараются заполнить себя снаружи: делами, ролями, чужими ожиданиями.

Ветер тронул край его плаща, и на миг мне показалось, что он сам — часть этой стихии, не человек, а голос леса.

— А что, если я тоже боюсь? — прошептала я.

Едва эти слова сорвались с языка, как воздух вокруг сгустился и потяжелел. Повинуясь неведомому зову, мимо проскользнули тени — смутные очертания людей, растворяющиеся в полумраке. Они были похожи на тот безликий силуэт, что я видела возле подснежников. «Слишком чувствительная... Слабая... Недостаточно хороша...» — шёпот настиг меня, а с ним пришёл резкий ветер, жгущий кожу, будто тысячи иголок.

Холод ворвался без предупреждения — не обычный зимний, а потусторонний, словно сама тьма выдохнула в затылок. По спине прокатилась волна озноба, и мир на мгновение застыл. Там, где только что таяли силуэты, теперь мерцал иней — хрупкий след чьего-то присутствия, будто дыхание на стекле иной реальности.

— Призраки прошлого не отпускают просто так, — произнёс путник. В его голосе не было ни упрёка, ни жалости — только спокойная констатация.

Я обернулась и долго вглядывалась в глубину капюшона, где, казалось, скрывались ответы на все вопросы. Он стоял неподвижно, словно воплощение вечности — древняя статуя, забытая временем.

— Запомни: пока ты наделяешь их слова силой, они будут обладать властью над твоей душой.

Я повернула голову и увидела, как из глубины мрака вырвалась россыпь стрекоз, устремляясь вслед за теньями. Их бумажные крылья казались такими же тусклыми, как мои мысли после этого жестокого шёпота.

— Откуда появляются эти призраки? — прошептала я, и слова, казалось, осели инеем, тут же растворившись в тишине.

Вместо ответа проводник медленно вытянул руку. Его жест был не указующим, а оберегающим — будто он не звал меня вперёд, а позволял самой сделать этот шаг навстречу.

Глава 4. Ледяное наследие

Сумерки сгущались, обволакивая нас, как тяжёлый, холодный сон. Воздух становился всё острее, будто мир вокруг постепенно остекленел. Трава под ногами не просто хрустела — она рассыпалась под подошвой, как тонкое стекло. Кусты, покрытые коркой льда, застыли в неподвижности; среди них темнели коконы, словно крошечные капсулы забытых воспоминаний. На стволах деревьев мороз выводил узоры, похожие на кружево, но теперь они казались не украшением, а ледяной вязью, запечатывающей прошлое.

Я почувствовала, как холод проникает глубже кожи, глубже костей. Он касался самой памяти. И когда я услышала, как стучат мои зубы, то поняла: это не дрожь от мороза. Это эхо тех голосов, что жили во мне.

Мы вышли на небольшую поляну, и перед нами встало оно — огромное дерево. Монумент из льда: ветви голые, скрюченные, застывшие в безмолвном крике, почти полностью скованные инеем. Лишь одна ветка, чуть выше уровня груди, ещё не поддавалась морозу — её кора была темнее, в ней угадывалось тепло.

Вокруг ствола висела цепь — толстая, тяжёлая, потемневшая от времени до цвета старой золы. Её звенья перетекали друг в друга, образуя странный узор, напоминающий переплетённые руки. Будто сотни людей обняли дерево и застыли так навек, не в силах ни отпустить, ни уйти.

Цепь дышала холодом, храня в себе не просто металл, а тяжёлое наследие предков, передаваемое потомкам, как клятва кровью, которую нельзя смыть водой.

Корни дерева, искривленные и мощные, пробивались наружу, пульсируя под кожей земли, как воспаленные вены. Там, где они обнажались, древесина была чёрной и трухлявой — время не просто старило её, а выедало изнутри, оставляя лишь оболочку, готовую распасться от одного вздоха.

По стволу, вопреки всему, медленно стекала тонкая струйка мёда — золотистая, тягучая, живая. Она не могла растопить весь лёд, но прокладывала себе путь, капля за каплей.

— Это древо рода, — тихо произнёс проводник. Его голос звучал так, будто он возвращал дереву древнее имя, стёртое временем. — Холод передаётся из поколения в поколение. Твои предки жили в отсутствии тепла и любви, и эта привычка к морозу стала их наследством, которое они невольно передали дальше.

Взгляд скользил по грубой коре, задерживаясь на трещинах, будто в них прятались ответы. И вдруг я поняла, откуда приходили призраки. Они не были чужими или врагами. Это было не нашествие тьмы, а отголоски прошлого — эхо шагов тех, кто стоял здесь до меня. Тех, кто замёрз, но всё равно не уходил, надеясь, что если продержится ещё минуту, то наконец почувствует тепло.

— А эта ветка... — прошептала я, указывая на тёмную, живую плоть дерева.

— Это ты, — кивнул он. — Она ещё не до конца заледенела. Ты — та, кто стоит на пороге этого холода, но ещё не стала его частью.

Я перевела взор на золотистую струйку, ползущую по стволу.

— Мёд... — начала я.

— Энергия жизни, — подхватил он. — Ты не сможешь согреть всё дерево. Не сможешь унять боль всех, кто был до тебя. Но ты можешь позволить этой капле тепла течь по твоей ветке. Ты можешь согреть себя. И этого достаточно.

— Значит, всё это время я ранилась о чужой лёд, думая, что спасаю? — фраза прозвучала не как обвинение, а как признание, от которого становилось и больно, и легко одновременно.

Рука сама потянулась к дереву. Пальцы скользнули по шероховатой коре, и к коже прилипла тягучая нить мёда — золотая, тёплая, будто единственная живая вещь в этом промерзшем месте.

— Верно, — спокойно отозвался проводник. — Теперь ты видишь, откуда шли эти шрамы. Ты имеешь право сострадать им: они несли это хладнодушие не из жестокости, а потому что сами когда-то замёрзли. Но ты не обязана залечивать их раны своим теплом.

Я сжала пальцы, чувствуя, как мёд тянется и не рвётся — тонкая, упрямая нить.

— Выходит, родители не любили меня... потому что не могли? — мой голос сорвался на усталое признание.

Внутри всё сжалось в крике: *«Нет, это неправда! Они старались! Это ты многое не понимала!»* — а другая часть тихо, безжалостно соглашалась: *«Да. Они просто передавали дальше то, что получили сами. Вместо объятий — равнодушие, вместо слов — молчание, вместо близости — пустота».*

Из-за ствола выскользнули тени — те самые смутные силуэты. Они не смотрели на меня, будто и не видели вовсе: скользили по кругу, повторяя одни и те же движения, как заводные куклы в общем механизме. Из их уст навязчиво срывались заезженные фразы — та самая петля боли, которую я носила в себе: *«Если я стану лучше, они меня заметят. Если буду тише, они перестанут злиться. Если спасу их, они наконец меня полюбят».*

Я резко отшатнулась, ослеплённая правдой.

— Нет! Хватит! Прекратите! Я не хочу этого слышать... не хочу... — слова рассыпались, на них не осталось сил. Дыхание сбилось, и последняя реплика прозвучала уже не как крик, а как тихий, надломленный шёпот: — Я просто хочу, чтобы меня любили... Неужели это так сложно?

Проводник не шагнул ко мне, не попытался обнять. Он остался там, где стоял, и в этом спокойном расстоянии было больше поддержки, чем в любой попытке утешить.

— Ты горюешь не по ним, Айла, — сказал он ровно, но каждое слово ложилось точно в середину груди. — Ты оплакиваешь тот призрачный образ родителей, которых у тебя никогда не было. Тех, кто мог бы просто сесть рядом и прошептать: *«Я так рада, что ты есть. Ты у меня замечательная».*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.